

УДК 94(47).03

DOI: 10.22378/2313-6197.2019-7-1.55-76

РОЛЬ ЗОЛОТОЙ ОРДЫ В ФОРМИРОВАНИИ СТРУКТУР УПРАВЛЕНИЯ НА СЕВЕРЕ ЧЕРНИГОВСКОГО КНЯЖЕСТВА ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIII в.

А.А. Майоров

ФГБОУ ВО «Орловский государственный институт культуры»

Орел, Российская Федерация

aamajorov@rambler.ru

Цель исследования: рассмотреть исторические процессы и выявить факторы, оказавшие значимое воздействие на создание и функционирование управленческих структур новых малых княжеств в северной части Черниговского княжества во второй половине XIII в., определить степень влияния на эти процессы вассальной зависимости от ханов Золотой Орды и сложившейся в тот период внутри- и внешнеполитической обстановки.

Материалы исследования: средневековые русские летописи – Лаврентьевская, Ипатьевская, Никоновская, Симеоновская, Уваровская, Новгородская первая летопись, Галицко-Волынская, Рогожский летописец. Переписка смоленских князей с Ригой и ганзейскими городами, китайские и монгольские источники по истории Золотой Орды, поминальный Любецкий синодик, воспоминания европейских путешественников.

Результаты и научная новизна: анализ имеющейся источниковой базы позволил автору сделать вывод о явной недооценке роли особенностей режима золотоордынского вассалитета, ряда политических и административных факторов при рассмотрении причин возникновения в конце XIII – начале XIV вв. группы княжеств, получивших впоследствии в русской истории наименование Верховских. В соответствии с полученными результатами, особенности вассально-сюзеренальных отношений в совокупности с влиянием фактического двоевластия в Золотой Орде, установившегося в последней трети XIII в. вследствие действий беклярибека чингизида Ногая, сыграли важнейшую роль для зарождения предпосылок начала формирования княжеств с высокой степенью суверенизации на севере черниговских земель.

Последующая передача ярлыка на правление Брянским княжеством членам смоленской княжеской династии в совокупности с сохранением на младших столах представителей прежней черниговской династии создали основу для разрыва прежде единой во многих отношениях территории Северной Черниговщины. В последующее время эти предпосылки были усилены вследствие активизации ряда внешнеполитических факторов.

Ключевые слова: Золотая Орда, княжества Северной Черниговщины, вассалитет, Ногай, Брянское княжество, смоленские князья, черниговский княжеский род, Верховские княжества

Для цитирования: Майоров А.А. Роль Золотой Орды в формировании структур управления на севере Черниговского княжества второй половины XIII в. // Золотоордынское обозрение. 2019. Т. 7, № 1. С. 55–76. DOI: 10.22378/2313-6197.2019-7-1.55-76

THE INFLUENCE OF THE GOLDEN HORDE ON THE FORMATION OF ADMINISTRATIVE STRUCTURES IN THE NORTH OF THE CHERNIGOV PRINCIPALITY DURING THE SECOND HALF OF THE 13TH CENTURY

A.A. Mayorov

*Orel State Institute of Culture
Orel, Russian Federation
aamayorov@rambler.ru*

Abstract: *Research objectives:* The identification of the factors that had the most significant impact on the creation and function of the new administrative structures of the small principalities in the northern part of the Chernigov Principality in the second half of the fourteenth century, along with the determination of the degree of impact on these processes of two factors: vassalage to the khans of the Golden Horde, as well as the internal political and foreign policy situation.

Research materials: Several medieval Russian chronicles, among which are the Lavrentyevskaya, Ipatievskaya, Nikonovskaya, Simeonovskaya, Uvarovskaya, Novgorodskaya First, Galicko-Volynskaya, and Rogozhsky Chronicle. Among the materials used are also published correspondence of Smolensk princes with Riga and the cities of the Hansa, Chinese and Mongolian sources on the history of the Golden Horde, the memorandum of the Synod of Lubeck, and the memoirs of European travelers.

Results and novelty of the research: Until now, the process of the emergence of independent principalities in the thirteenth and fourteenth centuries in the northern part of the lands of the Chernigov Principality is regarded as a natural result of intensifying feudal fragmentation of the Russian lands. A multifactor analysis of the processes that took place in the north of the Chernigov lands in the second half of the thirteenth century, carried out in this article, shows that the emergence and preservation of these principalities was largely influenced by the specific characteristics of the vassalage of local princes to the khans of the Golden Horde, as well as the processes generated by the growing influence of Prince Nogai and the emergence of a situation of real dual power.

The adoption of a direct vassalage to the Golden Horde's khan by Russian princes from the northern Chernigov territories led to the consolidation of the allocated territories for local branches of princely families. The consequence of dual power was the transfer of the rights of the rulers of the Bryansk principality to one of the branches of the Smolensk princely family and the simultaneous preservation of small thrones for princes belonging to the Chernigov dynasty. The last third of the thirteenth century in the north of the Chernigov lands saw the lands divided into those ruled by Smolensk princes (in fact the Bryansk principality itself) and those ruled by the Chernigov dynasty. The interaction and combination of these several factors led to the emergence of legal prerequisites for the disintegration of a formally unified territory in the future.

As a result, in the northern territories of the Chernigov principedom at the end of the thirteenth century, a legal basis was created for the emergence of a group of sovereign administrative and political entities known in Russian historiography as the Principalities of the Upper Oka Basin.

Keywords: Golden Horde, North of the Principality of Chernigov, vassalage, prince Nogai, Bryansk Principality, princes of Smolensk, Chernigov princely dynasty, Upper principedoms

For citation: Mayorov A.A. The Influence of the Golden Horde on the Formation of Administrative Structures in the North of the Chernigov Principality during the second half of the 13th century. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2019, vol. 7, no. 1, pp. 55–76. DOI: 10.22378/2313-6197.2019-7-1.55-76

Вторая половина XIII в. стала временем, положившим начало формированию особого и своеобразного пути развития группы расположенных в бассейне Верхней Оки административно-политических образований, известных в русской истории как Верховские княжества. Объективная оценка этого процесса требует проведения многофакторного анализа последствий падения Черниговского княжества, бывшего одним из крупнейших и сильнейших древнерусских княжеств начала XIII столетия, и переноса центра новой административно-политической системы на северные земли.

Крайне малое число письменных источников стало причиной того, что изучение особенностей возникновения и развития княжеств, возникших на северо-черниговских территориях во второй половине XIII в. после разгрома Черниговского княжества в результате монгольского завоевания, никогда не относилось к числу тем, привлекавших большое внимание российских исследователей. Первым выделил вопрос о специфике бывшего его частью верхнеокского региона Н.М. Карамзин, который в «Истории государства Российского» ввёл в научный оборот большой объём фактического материала о политической деятельности князей верхнеокских княжеств, о московско-литовских отношениях XV в., о военных столкновениях этих государств и об участии в них местных правителей [18]. Период ордынского господства характеризовался им как время растерзания России монголами и главная причина отставания Руси от Европы. Хотя, согласно его же взглядам, именно благодаря монголам стало реальностью прекращение русских усобиц и возвышение Москвы. Это мнение было, пожалуй, превалирующим в течение большей части XIX в. В частности, Н.И. Костомаров, в свою очередь, утверждал, что русский феодализм стал следствием «татарского завоевания» [21, с. 94].

XIX столетие стало временем активного накопления значимого источникового материала о реальной истории Золотой Орды, о взаимоотношениях, возникших в результате установления ордынского господства на русских землях, который не потерял своё значение и до настоящего времени. В числе учёных, работавших над этой тематикой, следует отметить И.Н. Березина и В.Г. Тизенгаузена [1; 2; 48].

В 1830-е годы проблему специфического статуса новосильских князей выделил Н.Г. Устрялов, который отмечал особенную роль Великого княжества Литовского в качестве средства освобождения региона от ордынского господства [51]. Новый порядок управления после монгольского завоевания он характеризовал как «власть дикой, степной орды» [52, с. 191].

С.М. Соловьев, напротив, основывался на положении, что направление и ход развития русских земель в XIII–XIV вв. в первую очередь определялись внутренними причинами, к числу которых Орда не относилась: «... влияние татар не было здесь главным и решительным. Татары остались жить вдалеке, заботились только о сборе дани, нисколько не вмешиваясь во внутренние отношения, оставляя всё как было... В своих борьбах князья не обращали внимания на ярлыки...» [47, с. 4]. В своей «Истории Российской с древнейших времен» он указал на особый статус князей Новосильского дома, ввел в исторический оборот большое число эпистолярных памятников и договоров. Линию первичности внутрирусских вопросов продолжили В.О. Ключевский, С.Ф. Платонов, а на рубеже XIX–XX вв. – М.Н. Покровский и А.Е. Пресняков. Тема взаимоотношения русских княжеств с Ордой продолжала сохра-

нять ощутимую долю эмоционального восприятия, влиявшего на оценки рассматриваемых исторических событий и процессов.

Первое отдельное исследование, посвящённое верхнеокским государственно-административным образованиям, опубликовал М.К. Любавский. Он ввёл в активный научный лексикон термин «верховские княжества», систематизировал и описал основную историческую канву процессов, протекавших внутри верховских княжеств [24]. Внимание историка было сосредоточено на выявление роли и места Великого княжества Литовского в верхнеокской истории, вопросы же взаимодействия с «татарами» занимали его в малой степени.

Стоит упомянуть историко-генеалогическое исследование Р.В. Зотова «О черниговских князьях по Любецкому синодику и о Черниговском княжестве в татарское время», в котором указывалось, что основной целью автора является попытка «...восстановить личности черниговских князей и хоть несколько осветить историю Черниговского княжества от Татарского нашествия до завоевания Южной Руси Ольгердом» [15, с. 3]. О роли завоевания автор высказался двояко. С одной стороны, «...разорение преимущественно городов и истребление князей... было средством, если не целью татарской политики, для более верного упрочения за собою завоеванных ими областей» [15, с. 188]. С другой стороны, «...татарское завоевание и другие события, имевшие к нему отношение, содействовали возвышению Москвы; они спасли Черниговскую область, так и всю Русь от «мелкопоместности, чересполосности, разнобоярщины и однодворчества, ... от естественного размножения князей» [15, с. 190].

В большинстве исторических работ, упоминавших о северочерниговских (и верхнеокских) княжествах, тема управленческого взаимодействия с Ордой была освещена крайне незначительно. И это при том, что завоевание Руси Монгольской империей непосредственно предшествовало возникновению этих княжеств и должно было оказать на них прямое влияние. Воздействие Орды на русские княжества рассматривалось, преимущественно, как отношение разбойника и грабителя к объекту немотивированного грабежа и военной агрессии.

В советской исторической науке, при весьма серьёзной терминологической модификации, преимущественно развивались новые версии прежних концепций о приоритете внутренних движущих причин исторических процессов и о национально-освободительной борьбе за освобождение русских земель от монголо-татарского ига. Марксистская теория классовой борьбы, ставшая преобладающей в советской исторической науке, в приложении к тематике русско-ордынских отношений, получила свое отражение в совместной работе Б.Д. Грекова и А.Ю. Якубовского «Золотая Орда», где ордынское владычество определялось как препятствие на пути прогрессивного развития. Второй вариант этой книги, вышедший в 1950 г., значительно расширил объем содержательной части работы, но сохранил нетронутыми основные постулаты [11].

Исследование А.Н. Насонова «Монголы и Русь» стало образцом подхода исторической науки советского периода к данной тематике. Чётко формулировалось, что «непосредственная организация татарского владычества на Руси была в руках монгольской степной аристократии... Образование централизованного государства явилось... в результате борьбы с монголами,

когда... поднялось народное движение за объединение Руси и за свержение татарского владычества» [26, с. 7–8]. Основные положения, сформулированные в этой книге, были развиты в исследованиях выдающихся советских историков, среди которых следует упомянуть А.А. Зимина, Л.В. Черепнина, Г.А. Федорова-Давыдова, В.Л. Егорова, М.Г. Сафаргалиева, В.В. Каргалова [13; 14; 54; 53; 12; 39; 19; 20]. Общие подходы оставались неизменными, а положения о национально-освободительной борьбе русского народа (с разной степенью антифеодальной направленности) в советский период приобрели аксиоматическое значение.

Возникновение новой волны интереса к политической истории верхнеокских и деснянских земель было ознаменовано выходом в 1993 г. небольшой работы А.В. Шекова «Верховские княжества. (Краткий очерк политической истории. XIII – середина XVI вв.)», где давался весьма краткий обзор политической истории территории с древнейших времен до XVI в. Последующие изыскания в данной сфере А.В. Шеков изложил в новой монографии, которая является первым современным научным исследованием, повествующем о возникновении и развитии Верховских княжеств с момента их возникновения до включения в состав Московского государства [55].

Отдельно следует упомянуть значительное число информационно насыщенных и методологически выверенных работ А.А. Горского, посвящённых широкому спектру различных аспектов становления и развития социума древней и средневековой Руси, исследованию социальной и политической истории различных её территорий [7; 8; 9]. Результаты, полученные исследователем, посвящены различной тематике, и часть из них имеет прямое либо косвенное отношение как к истории верхнеокских и постчерниговских земель, так и к месту русских княжеств (князей) в ордынской социально-политической системе.

Следствием интереса к истории Золотой Орды и взаимоотношениям этого имперского государственного образования с русскими княжествами стало положение ряда работ, рассматривающих вопросы статуса, положение и полномочий русских князей внутри ордынской элиты и более подробно освещающих систему взаимоотношений внутри Монгольской империи и Джучиева улуса. Превалирующей позицией в них является рассмотрение реальных правовых аспектов взаимоотношений Монгольской империи и Улуса Джучи со своими восточно-европейскими данниками, что позволяет представить их как отношения регулярного государства-сюзерена со своими вассалами-протекторатами. К числу работ, относимых к данному направлению исторических исследований, по мнению автора настоящей статьи, следует отнести книги и статьи В.В. Тrepавлова, Ю.В. Селезнева, А.В. Лаврентьева, Р.Ю. Почекаева, ряда других историков [23; 36; 37; 40–45; 49; 50]. Результаты исследований Ю.В. Селезнева заслуживают отдельного упоминания как наиболее широко освещающие взаимоотношения со своими сюзеренами конкретных княжеских персон, а также ввиду их информационной насыщенности и технологической проработанности.

Помимо прочих, следует отметить статьи Р. Беспалова, посвященные возникновению и функционированию на русско-литовском пограничье отдельных княжеств, в особенности тех, что являлись наследниками княжества Новосильского (княжества Одоевское, Воротыньское, Белевское) [3–5]. Эти

работы отражают особенности взаимоотношений этих княжеств, в первую очередь, с их литовскими сюзеренами, и углублённые изыскания в сфере генеалогии. В то же время и отношения Новосильско-Одоевского княжества с Ордой и её наследниками рассматриваются отдельно и подробно.

Факторы, приведшие к возникновению отдельных княжеств на северо-черниговских землях, особенности взаимодействия их правителей, длительное время сохранявших самостоятельность на фамильных землях, с их ордынскими сюзеренами и до настоящего времени являются малоизученными. Как отмечалось ранее, главные затруднения при изучении развития политической ситуации на этих территориях во второй половине XIII в. вызваны, прежде всего, малым числом прямых письменных упоминаний из-за утери местного летописания. В то же время, в распоряжении заинтересованного исследователя ныне имеется значительное количество информационных источников, позволяющих, на основании преимущественно косвенных указаний разного рода, непротиворечиво реконструировать ход местных политических, военных и административных процессов.

Важным для анализа хода исторического процесса является уточнение параметров исторического контекста, основанное на результатах исследований последних десятилетий. В настоящее время фактически общепризнано, что возникшие во второй половине XIII в. на территории Черниговского княжества административно-государственные образования, а также их правители признавали сюзеренитет Монгольской империи и наследовавшего ей в Восточной Европе Улуса Джучи над Русью; князья в качестве правителей согласовывались и утверждались (в своих границах и на своих столах соответственно) монгольской администрацией на правах вассалов; новообразованные княжества признавались своими соседями продолжателями прежней черниговской государственной традиции; князья, правившие в рассматриваемых княжествах, входили и являлись составной частью относительно единой родовой княжеской корпорации, возводимой к черниговскому княжескому дому; во главе черниговской княжеской родовой корпорации во второй половине XIII в. находились брянско-черниговские (брянские и черниговские) князья, соединявшие в себе династическую легитимность и политическое старшинство.

При отсутствии либо недостаточности информации о формировании и деятельности каждого отдельного княжества рассматриваемого региона во второй половине XIII в., представляется весьма перспективным осуществить изучение и анализ деятельности ближайшей к ним на иерархической шкале таксонометрической единицы более высокого ранга. В нашем случае такого рода единицей может выступать упомянутая ранее северо-черниговская княжеская корпорация, результаты деятельности которой письменная история до нас донесла в несколько лучшей сохранности. Чётким маркером её активности, без сомнения, следует полагать находившихся во главе указанного объединения брянско-черниговских князей, являвшихся для неё и неформальными лидерами, и формальными руководителями.

Применение изложенного приёма позволяет построить логически непротиворечивую модель политической, военной и административной активности интересующей нас группы наследников древнего Черниговского княжения во второй половине XIII в. В то же время, её использование возможно лишь при

постоянном учёте высокой степени вероятности различных флуктуаций, порождённых индивидуальными характеристиками акторов, либо следствием различных внешних воздействий (к примеру, влиянию стороннего агрессора, активности различных внутриордынских партий и группировок и т.п.).

Взятие Чернигова штурмом в 1239 г. и фактический перенос столицы княжества в Брянск стали началом череды принципиально важных событий. Параллельно «большому переезду» на новое место нахождения главного стола шли процессы формирования новых княжеств, первоначально считавшихся неотъемлемой составной частью большого Черниговского. Без большого риска ошибиться, можно утверждать, что в южной части прежнего большого княжества, на основе прежнего административного деления, возникли меньшие по размерам и статусу Курское, Рыльское, Воргольское и Липовецкое, формально сохранилось и резко сократившееся в размерах и статусе локальное княжение в самом Чернигове; на северо-западе – Брянское (фактический преемник прежней столицы); на северо-востоке – Козельско-Карачевское, Глуховско-Новосильское и Тарусско-Оболенское (будущие верховские). Новосильское княжество первоначально возникло в качестве удалённой территории южного Глуховского княжества, быстро ставшего Новосильским и Глуховским, а затем – просто Новосильским. Лишь северо-восток в определённой мере сохранил свои прежние «столицы»: в списке новых центров отсутствуют Новгород-Северский, Вщиж, Сновск, Стародуб, Трубчевск (хотя два последних упоминались в титулах князей). После обособления довольно быстро (уже в первые десятилетия XIV в.) исчезают Курск, Рыльск, Путивль, Воргол, Липовецкое княжество. В то же время Брянск, Карачев, Новосиль и Таруса (и многие другие верхнеокские города) избежали уничтожения, а предположительно сожжённый Козельск был поразительно быстро восстановлен.

Пока старший представитель черниговского рода правил в крупнейшем городе, ситуация для новых князей и княжеств в очень малой степени отличалась от прежнего положения, за исключением того обстоятельства, что их высший сюзерен отныне находился вне Руси, принадлежал к иной культурно-этнической традиции и не имел родственных связей с обширным кланом Рюриковичей.

Традиционные генеалогические древа возводят все княжеские династии Верховского (верхнеокского) региона к сыновьям канонизированного впоследствии православной церковью Михаила Черниговского: «Того же великого князя Михаила Черниговского сынове: князь великий Роман Черниговский...; вторый сын Мстислав Карачевской и Звенигородский; третей сын Семион Глоуховской и Новосилской; четвертой сын Юрии Брянской и Тороуской» [35, с. 214–215]. Примерно ту же (хотя и более развернутую) информацию дают поминальные списки предков (синодики, помяники) [15, с. 190].

Принадлежность новых властителей к черниговской династии их современниками сомнению не подвергалась, что подтверждает их легитимность. В то же время конкретные подтверждения достоверности информации позднейших родословцев отсутствуют. В частности, относящаяся к XV в. Ермолинская летопись под 1246 г. сообщает о сыновьях, внуках и последующих потомках Михаила Черниговского: «...князь великий Романъ Черниговский, бездетень... вторый сынъ Мстиславъ Карачевской и Звенигородский; третей сынъ Семион Глуховской и Новосильской; четвертой сынъ Юрии Брянской

и Торуской. У Юрия сынъ болшой Константинъ, а у Константина болшой Иванъ, у Ивана первое Никита, другое Василей. Мстислава Корачевьскаго сынове: Тить, вторыи Ондреянъ Звенигородской. Титове сынове: Святославъ Олгердовъ зять; вторыи Иванъ Козелской. Ондреяновъ сынъ Звенигородскаго Федоръ; Федоровъ сынъ Олександръ; Александровы сынове Глебъ да Иванъ; Глеbove сынове Василей да Иванъ да Федоръ; Ивана Олександровича сынове Звенець да Ноздроватои» [34, с. 81–82]. Позднюю датировку вставки выдаёт перечисление дальних потомков черниговского князя и деталей их жизни («Олгердовъ зять»), а также витиеватая титулатура самого Михаила Всеволодовича, которая намекает на конец XIV в., когда многократно возросло почитание этого князя, пострадавшего за православную веру [34, с. 81].

Поздние исследования указывают на большую вероятность значительно более сложной схемы наследования из-за того, что ни один из основателей новых династических линий не мог быть родным сыном Михаила Всеволодовича: кто-то по причинам излишне близкородственного брака в случае прямого родства, кто-то – в силу чрезмерно большого хронологического разрыва между моментом своего рождения и деятельностью будущего святого, а также ряда иных обстоятельств [3]. Основоположниками новых династических линий были, вероятнее всего, представители черниговской династии, относившиеся к боковым её ветвям, имевшие, в случае обычного развития ситуации, не очень высокие шансы на основании собственных наследуемых столов. Иная информация хроник и родословцев легко объясняется стремлением повысить престиж и статусность здравствующих представителей фамилии.

Бесспорно, что Монгольская империя XIII века кардинально отличалась от своих позднейших формальных приемников в виде кочевых орд и оседлых ханств. В отношении северо-восточных волостей Черниговского княжества, ставших основой возникновения княжеств верховских, необходимо уточнить ряд моментов, связанных с ходом региональных военно-политических процессов.

В настоящее время проработаны различные виды периодизации русско-ордынских отношений. В нашем случае наиболее актуальной представляется периодизация, основанная на определении уровней самостоятельности русских княжеств и степени контроля со стороны ордынских властей, разработанная Ю.В. Селезнёвым, где с 1223 по 1480 гг., по изменению степени суверенитета и юрисдикции ордынского хана, выделяется семь периодов ордынского ига на Руси [43, с. 15]. В первые десятилетия (время завоевания, для рассматриваемой территории фактически с 1237 по 1242 гг., а затем оформление вассально-ленной зависимости 1242–1245 гг.) явно прослеживается преобладание военно-политической компоненты, обусловленной полным военным поражением русских княжеств и необходимостью адаптации Руси к новым административно-политическим условиям. Взятие и разгром Чернигова в 1239 г. и последовавшая впоследствии в сентябре 1245 г. беспрецедентная казнь прежнего черниговского владетеля Михаила Всеволодовича стали важнейшими рубежами, обозначившими полное исчезновение прежних порядков [40, с. 187].

После перехода статуса верховного сюзерена русских княжеств к монгольским (а затем и ордынским) ханам, полное правовое оформление сопровождалось особой процедурой: обязательной поездкой князя в ставку хана, с

последующим ритуальным собеседованием и получением соответствующего документа (ярлыка). Титул русского князя в XIII в. точно соответствовал монгольскому нойону – высшему уровню служилой знати, не относимой к чингизидам. Русские великие князья соотносились с эке нойонами (старшими/великими эмирами), князья более низкого уровня (удельные) – с обычными нойонами (эмирами) [43, с. 125–125]. Указанный статус имел ряд интересных особенностей, среди которых следует упомянуть две, важные именно для русской высшей знати. Первая – весьма красноречивый параллелизм (почти совпадение) родового характера правления и передачи должностей в первоначальной Монгольской империи, воспринятого Улусом Джучи, и родового же в своей основе лестничного права наследования, принятого у Рюриковичей на Руси. Вторая – необходимость личного представления хану (в крайнем случае – уполномоченному им лицу) и личного же получение ярлыка, подтверждающего право на управление княжеством, что вело к необходимости обязательного посещения ставки.

Первая особенность позволяет понять относительную лёгкость принятия русской знатью новых административных порядков, привнесённых Ордой в управленческий обычай Руси (в сочетании с военной победой, указующей, согласно воззрениям того времени, на реализацию подобным образом божественного промысла).

Вторая отмеченная особенность определяет, что каждый русский князь во второй половине XIII в. лишь после визита в ставку хана, личной аудиенции и получения ярлыка становился легитимным правителем наследных земель. Отказ прибыть в ставку хана (или его замена своим родственником либо представителем) вызывал передачу ярлыка на правление иному претенденту. Подобный прецедент наблюдался в государстве Сельджуков (также бывших частью Улуса Джучи), когда ярлык на правление в султанате был выдан лично прибывшему на курултай брату султана, из-за чего позднее (с 1249 г. по 1254 г.) на троне в Конье одновременно находились три конкурирующих брата-султана [16, с. 259–260].

Многозначность слова «ярлык» в позднейших версиях русского языка всегда добавляла излишнюю эмоциональную окраску характеристикам данного исторического явления. «Советская историческая энциклопедия» определяет, что ярлыки ханские «...являлись иммунитетными льготными грамотами, дававшимися ханами Золотой Орды... подвластным им светским и духовным феодалам. Я.х. утверждали русских князей на столах их княжеств» [46, стб. 977]. И, следовательно, выступали в качестве юридически значительно более развитого варианта традиционной европейской феодальной инвеституры.

События, связанные с казнью Михаила Всеволодовича, достаточно хорошо описаны в источниках, дошедших до наших дней [29]. В свете изложенного, наиболее вероятным условием прихода беглого князя в ставку Бату представляется предварительное заключение некоего соглашения, направленного на избежание смены правящей династии и возникновения кризиса легитимности: эта явка, вероятно, была условием сохранения черниговских земель под властью черниговского княжеского рода. Тогда и казнь князя выглядит как *персональная казнь непопулярного вассала* при общем нейтралитете либо подразумеваемой лояльности остальных потомков черниговских

Ольговичей [40, с. 191–198]. По всей видимости, именно введение конфликтной ситуации в рамки стандартного феодального решения удержало рассматриваемые черниговские (а в их составе и верхнеокские) территории от последующей дезинтеграции. Этим был, по сути, значительно облегчен процесс включения элементов существовавших на Руси управленческих норм в качестве составных частей общеимперской административной лестницы методами их частичного инкорпорирования и целенаправленной адаптации на основе уже сложившейся внутри империи управленческой системы.

Для локального властного уровня глобальные изменения оказались не принципиальными: на местном столе сидел законный князь, а вопрос адреса выполнения «налоговых обязательств» был для подавляющего большинства населения непринципиален. Ситуация падения главного организующего центра (в данном случае – Чернигова) была смягчена достаточно плавным переходом локально-столичных функций к Брянску, а функций имперско-столичных – в далёкий Каркорум, а фактически – в более близкий Сарай. Вновь заметно возросло значение транспортно-географических особенностей местной речной сети и иных торговых маршрутов, как и в вятичские времена, во многом переориентировавшихся на Восток.

Понимание порядка передачи властных полномочий путём передачи ханом ярлыка позволяет достаточно чётко идентифицировать первого легального князя, прошедшего процедуру инвеституры на владение Черниговским княжеством – Романа Михайловича (Старого). Об этом свидетельствует упоминание о встрече с князем Романом, который «...въезжал в землю Татар и его товарищей» (вероятно – княжеская свита) в 1246 г. [28, с. 62]. Наличие свиты является признаком подготовки к проведению церемониала личной передачи ярлыка из рук сюзерена.

Вопрос о черниговском княжении как великом в тот период (в противопоставлении великому князю киевскому Александру Ярославичу и великому князю владимирскому Андрею Ярославичу) является дискуссионным. Существует мнение, что новая ветвь Ольговичей приняла «титул великих князей... подчеркивая, очевидно, свою независимость от великих князей владимирских и королей Руси (галицко-волынских обладателей), а также особые отношения с Золотой Ордой, прямыми вассалами которого они стали после гибели Михаила Всеволодовича» [56, с. 419]. В то же время личный вассалитет князя черниговско-брянского непосредственно хану, полученный, вероятно, хронологически ранее передачи ярлыков на княжение владимирским Ярославичам, говорит о высокой вероятности наличия у него столь высокого статуса.

Управленческая вертикаль русских княжеств была четко вписана в административную структуру Улуса Джучи. Русские княжества соответствовали улусам: великое – тьмам (тумен-улусам), прочие – обычным улусам-тысячам [42, с. 84]. Термины «улус» относительно княжества и «улусник» в отношении князя были устоявшимися и держались в административном применении ещё очень долго [32, с. 84].

В связи с включением князей всех уровней в качестве составной части управленческого аппарата Монгольской империи, их участие в организации и проведении общеимперских мероприятий стало обязательным. В этой связи являлись обязательными и поездки представителей черниговской династии в

ставку хана для осуществления инвеституры на наследственный стол. Известны оптимальные сезоны визитов – зима, лето или осень (кроме весны). Лето – время участия в очередном ежегодном курултае, открывавшим вторую половину года. Зимний сезон также был завязан на новогодние праздники (аналогичных летним мероприятиям) и решение срочно возникших безотлагательных дел (подобных утверждению преемника почившего великого князя). Осень преимущественно стала временем решения тех или иных судебных вопросов [43, с. 190].

Путешествие в ставку хана (в случае её расположения в Улусе Джучи) хронологически занимало не менее полугода [43, с. 182]. Учитывая не всегда имевшуюся возможность быстрого получения аудиенции правителя и, зачастую, необходимость предварительного «утрясения» положительного решения стоявшего административно-кадрового вопроса с двором и свитой, такого рода поездка могла протекать и значительно больший период времени.

Каждый из легальных и признанных князей при вступлении на стол в обязательном порядке посещал ставку хана. Основной проблемой точных датировок княжеских «иницирующих путешествий» до настоящего времени является отсутствие точного списка реально правивших князей черниговского дома во второй половине XIII в. и дат их правления. И если князья брянско-черниговские, как старшие в роду, нам известны, то даже перечень достоверно существовавших князей верхнеокских княжеств представляет затруднение по причинам, упомянутым ранее. Информация о наиболее значимых владетелях Карачевского, Тарусского и Новосильского княжества во второй половине XIII в. не полна и не точна: приводимые даты правления и жизни, к сожалению, до настоящего времени спорны.

Князья Карачевские – Мстислав Михайлович (правил Карачевским княжеством с 1246 по 1280 г.) и Святослав Мстиславич (убит в 1310 г.). Есть также информация о правившем козельским уделом князе Тите Мстиславиче [56, с. 419, 422].

Князья Глуховские и Новосильские – Семён Михайлович (с 1246 – дата смерти неизвестна) и Александр Семёнович (казнен в Орде, вероятно, вместе с сыном Семёном в 1326 г.) [56, с. 422, 426].

Князья Тарусские и Оболенские – Всеволод Юрьевич (Орехва) Тарусский, Константин Юрьевич Оболенский, Михаил Юрьевич Мышецкий и Иван Юрьевич (Меньший Толстая Голова) Волконский (все – вторая половина XIII – начало XIV вв.) [56, с. 423–424].

По всей видимости, все первые правители перечисленных княжеств участвовали в посольстве брянско-черниговского князя Романа, упомянутого в «Истории монголов» де Плано Карпини. Инвеститура столь высокого уровня должна была подчеркивать особый статус князей, принимавших в ней участие, и быть дополнительной защитой для их столов и земель. Последующие же правители в обязательном порядке должны были получать собственные ярлыки в ханской ставке, чтобы избежать фактического отстранения от стола [16, с. 259–260].

Первыми крупномасштабными мероприятиями невоенного характера, осуществленными создаваемым управленческим аппаратом на территории Руси, было проведение переписей населения для формирования (используя современную терминологию) информационной базы о наличии различных

видов податного населения на контролируемых территориях. Проведение столь масштабных и важных мероприятий в обязательном порядке должно было сопровождаться предварительным сбором и инструктажем управленческого аппарата, в том числе всех русских князей.

Имеются сообщения о, как минимум, трёх общерусских переписях, проведенных соответственно в 1245/46, 1257 и 1273 гг. О первой повествует летописное сообщение новгородской летописи о судьбе черниговского населения: «инеи же бежаша в далнюю страну, а инеи кряхуся в пещерах и в лесех... тех же не по колецех временех осадisha в градех, и сочтоша я в число, и начаша на них дань имати» [27, с. 298]. По версии цитированной летописи, именно эти события подвигли князя Михаила Всеволодовича к возвращению на родную землю. Упоминание похожих событий имеется у Плано Карпини: «... В бытность нашу в Руссии, был прислан туда один Сарацин, как говорили, из партии Куйюк-кана и Батыя. И этот наместник у всякого человека, имевшего трех сыновей, брал одного... Остальных же, согласно своему обычаю, пересчитал, приказывая, чтобы каждый... платил... дань... » [28, с. 33].

Перепись 1245 г., по всей видимости, была одной из причин (наряду с определением внутриимперского статуса, подтверждением вассалитета и инвестирами) большого съезда русских князей в ставке Батыя [43, с. 202]. Этот съезд формально завершил установление монгольского господства над русскими княжествами и закрепил местные столы за конкретными родами.

Опубликованы сообщения восточных источников, что в «...год гуй-чой (1253 г.) было внесение в реестр числа дворов и совершеннолетних тяглых у русских и асов» [17, с. 208]. Мероприятие это, по всей видимости, носило общеимперский характер, так как согласно официальной хронике династии Юань «Юань ши» примерно тогда же была организована и проведена «регистрация простого народа в ханьских землях» [17, с. 190]. Неясна локализация и всеобщность характера прошедшей переписи, вызывает сомнение и завершенность упомянутых действий.

Дата второй переписи – 1257 г. – подтверждена данными из северо-восточных княжеств: «Въ лето 6765 поехаша князи въ Татары... Тоя же зимы приехаша численици и исчетоша всю землю... В лето 6766 поехаша князи въ Татары... Тоя же зимы приехаша численици въ Владимирь; и поехаша численики и князи чести Новгорода... и щетше Александръ же удержа Новгородци, и щетоша и много» [33, с. 71]. Несложно заметить тесную связь предварительного съезда (курултая) князей (русских нойонов – «улусников») перед проведением переписи.

Известен факт передачи права сбора дани откупщикам-бесерменам. Термин «бессермен» («бесурмен») известен летописцам достаточно давно, возможно, даже с домонгольских времен и означает преимущественно «мусульманин», а иногда – волжских (камских) болгар [38]. Успешность данной операции, учитывая количество и ожесточенность протестных выступлений, подлежит большому сомнению, поскольку негативные последствия передачи сбора проявились довольно быстро: «В лето [1262]...люди Ростовския земля... изволиша вечь и выгнаш из городовъ. из Ростова. изъ Володимеря. ис Суждаля изъ Ярославля. окупаху бо ти Оканьнии бесурмене дани и от того велику пагубу людемъ творяхуть. работяще резы и многы д[у]ши кр[ес]-

тынянския разно ведоша» [29, стб. 476]. Третья перепись 1273 г. стала завершающей в череде статистических исследований, предпринятых ордынскими властями для организации соразмерного обложения населения.

Ни одного указания на бунт против «царской», т. е. ханской власти на рассматриваемой нами северочерниговской территории не было зафиксировано, хотя летописцы сообщают о городских восстаниях и недовольстве населения в разные годы в Новгороде, Ростове, Владимире, Суздале, Ярославле [29, стб. 476, 526, 530]. Отсутствие упоминаний о ходе процесса на постчерниговских землях, по всей видимости, говорит об отсутствии эксцессов, заставивших фиксировать нарушения, либо об относительно небольших масштабах гипотетических инцидентов.

В случае северочерниговских княжеств, их относительно малая величина и традиционная (ещё с вятичских времен) закрытость крестьянских общин, по всей видимости, позволяла минимизировать личные княжеские потери от проведения точного учета численности населения в ходе переписей и введения регулярного налогообложения. Кроме того, рассматриваемый регион в предшествующие времена отличался неплохим уровнем развития ремесел и распространенностью промыслов, что давало определенные преимущества в условиях привязки системы налогообложения преимущественно к земледельческой деятельности.

Внешнеполитическая деятельность брянского князя и Брянско-Черниговского княжества (а следовательно, и деятельность «меньших» князей региона) во второй половине XIII в. может быть сведена к двум важнейшим процессам – оборона от внешних территориальных и политических претензий (в первую очередь, Смоленска и Литвы) и координация действий с новым ордынским сюзереном.

Летописи фиксируют в 1257/8, 1263, 1264 гг. военную активность Литвы, направленную, в том числе, на черниговско-брянские земли: «...иже велико оубиство творяше земле Черниговської», «послалъ бяшетъ Миндовгъ. всю свою силоу. за Днепръ. на Романа на Брянского князя...», «...ратъ приде Литовская. на Романа. он же бися с ними и победи я... и приеха во Брянскъ с победою» [30, стб. 840, 860, 862]. Количество столкновений меньшего масштаба нам не известно. В этих условиях обращение к военной силе Орды выглядело не просто оправданным, но, по сути, необходимым.

Логичным следствием необходимости выполнять обязательства сюзерена по защите законопослушных вассалов (а среди пострадавших от литовских набегов был не только Брянск и подчинённые черниговские земли, но и прочие русские княжества, граничившие с Литвой) стал поход 1257–58 гг. на Литву полков татарских во главе с Бурундаем [22; 30, стб. 849–862; 45, с. 41]. Долг хана-сюзерена был выполнен, хотя литовская угроза для брянско-черниговских земель и не была в полной мере ликвидирована. Последовавшие затем походы ордынских войск в Малую Польшу носили, по всей видимости, превентивное значение.

Брянские князья черниговского дома во второй половине XIII в. ещё несколько раз отмечаются в качестве участников батальных и политических событий. В частности, князь Роман и его сын Олег упоминаются под 1274 г., когда, после просьбы Льва Галицкого, хан Менгу Тимур направил против «забывшего любовь Львову» литовского князя Тройдена «...Ягураина с ними

воеводу, и заднепръския князи все да ему в помощь, Романа дебрянского и съ сыномъ Олгомъ, и Глеба князя смоленского, инехъ князей много...» [6, с. 147]. В этой связи существующие предположения о гипотетическом русско-литовском союзе против Орды выглядят несколько необоснованными ввиду довольно частых резких взаимных переходов литовских и русских владельцев от «любви» к войне (даже против прежних союзников, что наглядно проявилось после убийства князя Войшелка). Олег Романович в этом походе отличился личной доблестью: «...ткъмо Олегъ, сынъ Романовъ, притягль, пришелъ бо бяше напередъ с татары...» [6, с. 147]. Во время возвращения из похода были разорены местности возле Курска: «... около Курска ...и всюды и вси дворы, кто чего отбежалъ, то все пограбиша погании...» [34, с. 74]. Неясно, чем мог быть вызван подобный эксцесс со стороны войск сарайского хана, возможно, какую-то роль сыграла активизация в южных княжествах чингизиды (правнука Джучи) беклярибека Ногая.

Летописи под 1285 г. упоминают поход князя Романа Брянского на Смоленск: «...Романъ князъ Брянскый приходиль ратью к Смоленску и позже пригород и отиде в своя си» [29, стб. 482]. Масштабная военная операция одного из легитимных правителей против другого легитимного правителя была, в условиях имперского контроля, возможна при наличии прямого поручения своего сюзерена либо при нелегитимности атакуемого. Наиболее правдоподобно выглядит предположение о наличии различных сюзеренов у конфликтующих сторон из-за активности Ногая, полагавшего своими вассалами всех русских князей запада и юго-запада, в том числе и брянско-черниговских.

По всей видимости, именно принадлежность к проигравшей группировке Ногая стала причиной стремительной замены в последнем десятилетии XIII в. брянско-черниговских правителей из черниговских Ольговичей на смоленских Ростиславичей в лице князя Василия Александровича. Рукописные святцы упоминают, что князь Олег Романович принял смерть, прибывая в монашеском постриге [15, с. 84–85]. Столь быстрое разочарование в светской жизни доблестного князя (о чем говорилось выше) и довольно длительное пребывание в монашестве (что говорит о крепости здоровья) наводят на мысль о присутствии в качестве важного фактора для принятия подобного решения в виде воли ордынского правителя.

Подобная замена могла быть санкционирована только самим ханом. Вероятно, брянские князья (со всеми родственниками черниговского рода) выглядели излишне верными Ногаю, который, вступив в принципиальный конфликт с возведённым им же самим на ханский трон троюродным племянником Тохтой, потерпел полное поражение [37, с. 87–90]. Ярлык на брянский стол был передан представителям смоленской династии, в тот момент хорошо известным в ставке победившего хана.

Существует гипотеза, что дочь Олега Романовича Брянского была женой одного из смоленских князей, что давало его внукам, относившимся к династии смоленской, некие права на брянско-черниговский стол [8, с. 78–79]. У смоленских князей уже был удачный опыт наследования правящего стола по женской линии (речь идет о женитьбе Федора Ростиславича на дочери ярославского князя Василия Всеволодовича, ставшей поводом для принятия им ярославского княжения) около 1276 г.: «...сему бывшу поять ю за себя...и того ради достася ему великое княжение Ярославское» [31, с. 154]. Хронологически

эти эпизоды русской истории очень близки и могут быть связаны между собой, хотя точная дата перехода брянско-черниговского стола к смоленской династии до настоящего времени неизвестна. Переписка рижского епископа со смоленским князем, которая упоминает о брянском князе из смоленской династии, даёт широкую датировку – последние десятилетия XIII в. [10, гр. III].

Кроме того, родство с чингизидами (Федор Ростиславич был женат на дочери хана, предположительно, Менгу-Тимура) ставило действующего смоленского князя и его племянника-регента Александра Глебовича (в период нахождения дяди в Орде) значительно более выше, чем других русских князей [41]. Потому и утверждение его внучатого племянника брянско-черниговским князем на столе, занятом ранее клиентами конкурирующего чингида Ногая, могло выглядеть для хана предпочтительнее.

Формальным поводом передачи ярлыка мог быть также отказ действующего правителя от явки к хану. Имея информацию о недоброжелателях и негативном отношении к нему лично, князь Олег Брянский, который ранее ориентировался на партию беклярибека Ногая, вполне мог предпочесть суровый монашеский постриг вероятной смерти.

Не вполне ясен вопрос существования иных формальных аргументов передачи прав на стол при наличии иных непрямых наследников в виде нескольких верхнеокских Ольговичей, для которых брянский стол не был «чужой отчиной». Столь же непрозрачен и вопрос противоположный – о причинах сохранения столов в остальных постчерниговских княжествах за их наследниками: почему смоленские князья были жалованы подчинением только Брянска. Можно предполагать высокую вероятность наличия у верхнеокских (верховских) князей собственных каналов коммуникации с ханской ставкой, позволивших получить отдельные от Брянска ярлыки на княжение. У хана, скорее всего, отсутствовали причины к изъятию ранее полученных *от него самого* ярлыков. Может быть, свою роль сыграло сложное сочетание всех выше перечисленные факторов.

На территории северных черниговских земель в конце XIII в. сложилась уникальная для Руси ситуация, когда центральный стол княжества был занят представителями одного рода, тяготевшего к соседним землям, столы же для него традиционно зависимые остались в руках правителей, относившихся к прежнему роду. Легитимность всех подтверждалась законными ордынскими ярлыками. В этих условиях началось постепенное политическое и административное обособление верхнеокских княжеств, территориально располагавшихся на том же важном транспортно-географическом узле (пересечение путей по Дону, Оке, Десне, Западной Двине и т.д.), что и предшествовавшая им Земля вятичей [25].

Широкий анализ обстановки, сложившей в северной части Черниговского княжества во второй половине XIII в., показывает, что основной причиной большинства изменений, произошедших на этих территориях, стало монгольское завоевание и последовавшее за ним встраивание местной территориально-управленческой структуры в иерархическую систему Монгольской империи на правах широкого вассалитета. Брянский князь, приняв титул князя черниговского (несмотря на то, что в самом городе Чернигове остался собственный правитель, уже не игравший значительной политической роли), выступал, по сути, в качестве лидера корпорации князей-наследников черниговского династического дома и выражал его консолидированную позицию.

Основным внешнеполитическим сюжетом событий на севере черниговских земель было отражение литовской агрессии с участием и по поручению руководства Золотой Орды (Улуса Джучи), а также притязания смоленских князей, неизменно оказывавшихся на стороне, противостоявшей брянско-черниговским князьям. Положение в последние десятилетия XIII в. было осложнено фактическим двоевластием в самом Улусе Джучи, что привело к серии внутренних военных и политических конфликтов различной интенсивности. Потеря в последнем десятилетии XIII в. черниговским родом старшего стола в Брянске и переход его к смоленским Рюриковичам (роду Ростиславичей) стала прямым следствием этого внутриордынского конфликта.

Вероятное принятие князьями прямого вассалитета в отношении ордынского хана привело к закреплению жалованных территорий за локальными субродами и создало легитимные предпосылки последующей дезинтеграции формально единой территории. Специфическим следствием особенностей ордынской инвеституры стало сохранение младших столов в большинстве верхнеокских княжеств за местными правителями черниговской династии. Таким образом, к концу столетия на севере черниговских земель произошло их деление на управляемые смоленскими князьями (собственно Брянское княжество) и прочие, управляемые князьями из черниговской династии. В результате, на северных территориях Черниговского княжества в конце XIII в. в бассейне Верхней Оки была заложена правовая основа для возникновения впоследствии группы суверенных административно-политических формирований, получивших в российской истории название Верховских княжеств.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Березин И.Н.* Ханские ярлыки. I. Ярлык Тохтамыш хана к Ягайлу. Казань: Издан князем М.А.Оболенским, 1850. 160 с.
2. *Березин И.Н.* Очерк внутреннего устройства улуса Джучиева / Соч. И.Н. Березина. Санкт-Петербург: Тип. имп. акад. наук, 1863.
3. *Беспалов Р.А.* «Новое потомство» князя Михаила Черниговского по источникам XVI–XVII веков (к постановке проблемы) // Проблемы славяноведения. Сб. научных статей и материалов. Брянск: РИО БГУ, 2011. Вып. 13. С. 73–81.
4. *Беспалов Р.А.* К вопросу о терминах «верховские князья» и «Верховские княжества» // Проблемы славяноведения. Сб. научных статей и материалов. Вып. 12. Брянск: РИО БГУ, 2010. С. 15–61.
5. *Беспалов Р.А.* Новосильско-Одоевское княжество и Орда в контексте международных отношений в Восточной Европе XIV – начала XVI веков // Средневековая Русь. Вып. 11. Проблемы политической истории и источниковедения / Отв. редактор А.А. Горский. М.: Индрик, 2014. С. 257–326.
6. Галицко-Вольнская Летопись. Текст. Комментарий. Исследование / сост. Н.Ф. Котляр, В.Ю. Франчук, А.Г. Плахонин под ред. Н.Ф. Котляра. СПб.: Алетей, 2005. 424 с.
7. *Горский А.А.* Русские земли в XIII–XIV веках. Пути политического развития. М.: Издательский центр института российской истории РАН, 1996. 128 с.
8. *Горский А.А.* Брянское княжество в политической жизни Восточной Европы (конец XIII – начало XV в.) // Средневековая Русь: [сб.ст.] / редкол.: А.А.Горский (отв.ред.) [и др.]; Рос. акад. Наук, Ин-т российской истории. М.: Российское университетское издательство, 1996.
9. *Горский А.А.* Москва и Орда. М.: Наука, 2000. 214 с.

10. Грамоты, касающиеся до сношений Северо-Западной России с Ригой и Ганзейскими городами в XII, XIII и XIV веке. СПб., 1857.
11. Греков Б.Д., Якубовский А.Ю. Золотая Орда и её падение. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1950. 505 с.
12. Егоров В.Л. Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв. М.: Наука, 1985. 246 с.
13. Зимин А.А. Краткое и пространное собрания ханских ярлыков, выданных русским митрополитам // Археографический ежегодник за 1961 г. М., 1962. С. 28–40.
14. Зимин А.А. Народные движения 20-х гг. XIV века и ликвидации системы баскачества // Известия АН СССР. Серия истории и философии. 1952. Т. IX., №1. С. 61–65.
15. Зотов Р.В. О черниговских князьях по Любецкому синодику и о Черниговском княжестве в татарское время. СПб.: Тип-я бр.Пантелеевых, 1892. 374 с.
16. Запорожец В.М. Сельджуки. М.: Воениздат, 2011. 295 с.
17. Золотая Орда в источниках. Т. 3. Китайские и монгольские источники. Сост. Р.П. Храпачевский. М.: 2009. 336 с.
18. Карамзин Н.М. История государства Российского. Кн. 1–3. М., 1988–1989.
19. Каргалов В.В. Внешнеполитические факторы развития феодальной Руси. М., 1968. 264 с.
20. Каргалов В.В. Монголо-татарское нашествие на Русь. XIII век. М.: Просвещение, 1966. 135 с.
21. Костомаров Н. Исторические монографии и исследования. Т. 12. СПб.: Тип-я А. Траншеля, 1872.
22. Кром М.М. Меж Русью и Литвой. Пограничные земли в системе русско-литовских отношений конца XV – первой трети XVI в. 2-е изд., испр. и доп. М.: Квадрига; Объединенная редакция МВД России, 2010. 320 с.
23. Лаврентьев А.В. После Куликовской битвы: Очерки истории Окско-Донского региона в последней четверти XIV – первой четверти XVI вв./ А.В. Лаврентьев. М.: Квадрига, 2011. 256 с.
24. Любавский М.К. Областное деление и местное управление Литовско-русского государства ко времени издания первого Литовского статута. М.: Университетская типография, 1892. 994 с.
25. Майоров А.А. «Верховская историко-географическая провинция»: территориальная локализация и правомерность использования понятия // Вестник Тамбовского университета. Сер. Гуманитарные науки. Тамбов, 2016. Т. 21. Вып. 2 (154). С. 67–75.
26. Насонов А.Н. Монголы и Русь (история татарской политики на Руси). М.-Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1940. 178 с.
27. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.-Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1950. 642 с.
28. Плано Карпини, Иоанн де. История Монгалов. Рубрук, Вильгельм де. Путешествие в восточные страны. Введение, перевод и примечания А.И. Малеина. СПб.: Издание А.С. Суворина, 1911. 232 с.
29. Полное собрание русских летописей. Т. 1. Лаврентьевская летопись. Изд-е 2-е. Л.: Изд-во АН СССР, 1927. 540 с.
30. ПСРЛ. Т. 2. Ипатьевская летопись. Изд-е 2-е. С-Пб.: Тип-я М.А. Александрова, 1908. 574 с.
31. ПСРЛ. Т. 10. Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. СПб.: Тип-я МВД, 1885. 248 с.
32. ПСРЛ. Т. 11. Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. СПб.: Тип-я И.Н. Скороходова, 1897. 258 с.
33. ПСРЛ. Т. 18. Симеоновская летопись. СПб.: Тип-я М.А. Александрова, 1913. 320 с.

34. ПСРЛ. Т. 23. Ермолинская летопись. СПб.: Тип-я М.А. Александрова, 1910. 240 с.

35. ПСРЛ Т. 28 Летописный свод 1497 г. Летописный свод 1518 г. (Уваровская летопись). М.-Л.: изд-во Академии наук СССР, 1963. 411 с.

36. *Почекаев Р.Ю.* Право Золотой Орды. Ред. И.М. Мергалеев. Казань: Фэн, 2009. 260 с.

37. *Почекаев Р.Ю.* Цари ордынские. Биографии ханов и правителей Золотой Орды. СПб.: ЕВРАЗИЯ, 2012. 464 с.

38. *Рудаков В.Н.* О значении термина «бесермене» в русских источниках второй половины XIII–XVI вв. // Вестник славянских культур. №3 (XXIX) 2013. М. С. 19–24.

39. *Сафаргалиев М.Г.* Распад Золотой Орды // Учёные записки Мордовского государственного университета. Вып. XI. Саранск: Мордовское кн. изд-во, 1960. 276 с.

40. *Селезнёв Ю.В.* Картины ордынского ига. Воронеж: Издательский дом ВГУ, 2017. 437 с.

41. *Селезнев Ю.В.* К вопросу о хронологии пребывания в Орде Фёдора Ярославского // Восточная Европа в древности и средневековье. Миграции, расселение, война как факторы политогенеза. XXIV Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР В.Т.Пашуто (Москва, 18–20 апреля 2012 г.). Материалы конференции. М.: Институт всеобщей истории РАН, 2012. С. 225–230.

42. *Селезнев Ю.В.* Русские князья в составе правящей элиты Джучиева улуса в XIII–XV веках. Воронеж. Центрально-Черноземное книжное издательство, 2013. 474 с.

43. *Селезнев Ю.В.* Русские князья в политической системе Джучиева улуса (Орды). Дис. ... д.и.н. Воронеж, 2014. 595 с.

44. *Селезнев Ю.В.* Русско-ордынские военные конфликты XIII–XV веков. Справочник. М.: Квадрига, 2010. 224 с.

45. *Селезнёв Ю.В.* Элита Золотой Орды. Казань: Изд-во «Фэн» АН РТ, 2009. 232 с.

46. Советская историческая энциклопедия. Гл. ред. Е.М. Жуков. Т. 16. М.: «Сов. Энциклопедия», 1975.

47. *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. Книга первая. Т. I–IV. 2-е издание. СПб.: тип-я Тов-ва «Общественная польза», 1851.

48. *Тизенгаузен В.Г.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. I. Извлечения из сочинений арабских. СПб.: Тип-я Императорской академии наук, 1884. 564 с.

49. *Трепавлов В.В.* Государственный строй Монгольской империи XIII в.: проблема исторической преемственности. М.: Наука. «Восточная литература», 1993. 168 с.

50. *Трепавлов В.В.* Золотая Орда в XIV столетии. М.: Квадрига, 2010. 72 с.

51. *Устрялов Н.Г.* О Литовском княжестве. СПб.: Экспедиция заготовления государственных бумаг, 1839. 42 с.

52. *Устрялов Н.* Русская история. Изд-е 2-е, исправленное. Ч. 1. Древняя история. СПб.: Тип-я экспедиции заготовления гос. Бумаг, 1839. 360 с.

53. *Федоров-Давыдов Г.А.* Общественный строй Золотой Орды. М.: Московский университет, 1973. 181 с.

54. *Черепнин Л.В.* Образование Русского централизованного государства в XIV–XV веках. Очерки социально-экономической и политической истории Руси. М.: Соц-экгиз, 1960. 901 с.

55. *Шеков А.В.* Верховские княжества. Середина XIII – середина XVI в. М.: Квадрига, Русская панорама, 2012. 364 с.

56. *Войтович Л.* Княжа доба на Русі: портрети еліти [Текст] / Л.В. Войтович; Інститут українознавства ім. І. Крип'якевича НАН України, Львівський національний ун-т ім. І. Франка. Біла Церква: Видавець Олександр Пшонківський, 2006. 782 с. (на укр. яз.).

Сведения об авторе: Майоров Анатолий Александрович – кандидат исторических наук, ФГБОУ ВО «Орловский государственный институт культуры» (302502 ул. Лескова, 15, Орел, Российская Федерация). E-mail: aamajorov@rambler.ru

Поступила 15.12.2018 Принята к публикации 04.03.2019

Опубликована 29.03.2019

REFERENCES

1. Berezin I.N. *Khanskie yarlyki. I. Yarlyk Tokhtamysh khana k Yagaylu* [Khan's yarliks. I. Tokhtamysh Khan's yarlyk granted to Jagiello]. Kazan, knyaz M.A. Obolenskiy Publ., 1850. 160 p. (In Russian)
2. Berezin I.N. *Ocherk vnutrennego ustroystva ulusa Dzhuchieva* [Essay on the internal structure of the Jochid ulus]. St. Petersburg, Tipografiya Imperatorskoy Akademii nauk, 1863. (In Russian)
3. Bepalov R.A. «Novoe potomstvo» knyazya Mikhaila Chernigovskogo po istochnikam XVI–XVII vekov (k postanovke problemy) [The “new offspring” of Prince Mikhail of Chernigov according to the sources of the 16th and 17th centuries (to the statement of the problem)]. *Problemy slavyanovedeniya. Sb. nauchnykh statey i materialov* [Problems of Slavic studies. Collection of research articles and materials]. Vol. 13. Bryansk, Redaktsionno-izdatel'skiy otdel Bryanskogo gosudarstvennogo universiteta, 2011, pp. 73–81. (In Russian)
4. Bepalov R.A. K voprosu o terminakh «verkhovskie knyaz'ya» i «Verkhovskie knyazhestva» [To the question of the terms “Verkhovskye princes” and “Verkhovskye principdoms”]. *Problemy slavyanovedeniya. Sb. nauchnykh statey i materialov* [Problems of Slavic studies. Collection of research articles and materials]. Vol. 12. Bryansk, Redaktsionno-izdatel'skiy otdel Bryanskogo gosudarstvennogo universiteta, 2010, pp. 15–61. (In Russian)
5. Bepalov R.A. Novosil'sko-Odoevskoe knyazhestvo i Orda v kontekste mezhunarodnykh otnosheniy v Vostochnoy Evrope XIV – nachala XVI vekov [Novosilsko-Odoevskoye principality and the Horde in the context of international relations in Eastern Europe during the 14th – the beginning of the 16th centuries]. *Srednevekovaya Rus'*. Is. 11. *Problemy politicheskoy istorii i istochnikovedeniya* [Medieval Rus'. Vol. 11: Problems of political history and source study]. Moscow, Indrik Publ., 2014, pp. 257–326. (In Russian)
6. *Galitsko-Volynskaya Letopis'. Tekst. Kommentariy. Issledovanie* [The Galician-Volyn Chronicle. Text. Comments. Research]. St. Petersburg, Aleteyya, 2005. 424 p. (In Russian)
7. Gorskiy A.A. *Russkie zemli v XIII–XIV vekakh. Puti politicheskogo razvitiya* [Russian lands in the 13th–14th centuries. Ways of political development]. Moscow, Nauka Publ., 1996. 128 p. (In Russian)
8. Gorskiy A.A. Bryanskoe knyazhestvo v politicheskoy zhizni Vostochnoy Evropy (konets XIII – nachalo XV v.) [Bryansk principality in the political life of Eastern Europe (late 13th – early 15th century)]. *Srednevekovaya Rus'* [Medieval Rus']. Moscow, Rossiyskoe universitetskoe izdatel'stvo, 1996. (In Russian)
9. Gorskiy A.A. *Moskva i Orda* [Moscow and the Horde]. Moscow, Nauka Publ., 2000. 214 p. (In Russian)
10. *Gramoty, kasayushchiesya do snosheniy Severo-Zapadnoy Rossii s Rigoy i Ganzeyскими gorodami v XII, XIII i XIV veke* [Charters relating to the relations of North-West Russia with Riga and the Hanseatic cities in the 12th, 13th and 14th centuries]. St. Petersburg, 1857. (In Russian)
11. Grekov B.D., Yakubovskiy A.Yu. *Zolotaya Orda i ee padenie* [The Golden Horde and its fall]. Moscow–Leningrad, Akademiya nauk SSSR Publ., 1950. 505 p. (In Russian)

12. Egorov V.L. *Istoricheskaya geografiya Zolotoy Ordy v XIII–XIV vv.* [Historical geography of the Golden Horde during the 13th–14th centuries]. Moscow, Nauka Publ., 1985. 246 p. (In Russian)

13. Zimin A.A. *Kratkoe i prostrannoe sobraniya khanskikh yarlykov, vydannykh russkim mitropolitam* [Short and lengthy collections of khan's yarliks granted to the Russian metropolitans]. «*Arkheograficheskiy ezhegodnik za 1961 g.*» [Yearbook of archeografia for 1961]. Moscow, 1962, pp. 28–40. (In Russian)

14. Zimin A.A. *Narodnye dvizheniya 20-kh gg. XIV veka i likvidatsii sistemy baskachestva* [Popular movements of the 1320s and the elimination of the basqaq system]. *Izvestiya Akademii nauk SSSR. Seriya istorii i filosofii.* [Proceedings of the USSR Academy of Sciences. A series of history and philosophy]. Vol. IX, no 1, 1952, pp. 61–65. (In Russian)

15. Zotov R.V. *O chernigovskikh knyaz'yakh po Lyubetskomu sinodiku i o Chernigovskom knyazhestve v tatarskoe vremya* [About the Chernigov princes according to the Lubets synodic and Chernigov principedom during the Tatar time]. St. Petersburg, Tip. Br. Panteleevykh, 1892. 374 p. (In Russian)

16. Zaporozhets V.M. *Sel'dzhuki* [The Seljuks]. Moscow, Voenizdat, 2011. 295 p. (In Russian)

17. *Zolotaya Orda v istochnikakh. Kitayskie i mongol'skie istochniki* [The Golden Horde in the Sources. Vol. 3. Chinese and Mongolian sources]. Moscow, 2009. 336 p. (In Russian)

18. Karamzin N.M. *Istoriya gosudarstva Rossiyskogo. Book 1–3* [History of the Russian state]. Moscow, 1988–1989. (In Russian)

19. Kargalov V.V. *Vneshnepoliticheskie faktory razvitiya feodal'noy Rusi* [Foreign policy factors of feudal Rus' development]. Moscow, 1968. 264 p. (In Russian)

20. Kargalov V.V. *Mongolo-tatarskoe nashestvie na Rus'. XIII vek* [The Mongol-Tatar Invasion in Rus's. The Thirteenth century]. Moscow, Prosveshchenie, 1966. 135 p. (In Russian)

21. Kostomarov N. *Istoricheskie monografii i issledovaniya* [Historical monographs and studies]. Vol. 12. St. Petersburg, Tip. A. Transhelya, 1872. (In Russian)

22. Krom M.M. *Mezh Rus'yu i Litvoy. Pogranichnye zemli v sisteme russko-litovskikh otnosheniy kontsa XV – pervoy trety XVI v.* [Between Rus' and Lithuania. Boundary lands in the system of Russian-Lithuanian relations of the end of the 15th – first third of the 16th century]. 2nd ed. Moscow, Kvadriga, 2010. 320 p. (In Russian)

23. Lavrent'ev A.V. *Posle Kulikovskoy bitvy: Ocherki istorii Oksko-Donskogo regiona v posledney chetverti XIV – pervoy chetverti XVI vv.* [After the Battle of Kulikovo: Essays on the history of the Oka-Don region in the last quarter of the 14th – first quarter of the 16th century]. Moscow, Kvadriga, 2011. 256 p. (In Russian)

24. Lyubavskiy M.K. *Oblastnoe delenie i mestnoe upravlenie Litovsko-russkogo gosudarstva ko vremeni izdaniya pervogo Litovskogo statuta* [Regional division and local government of the Lithuanian-Russian state by the time of publication of the first Lithuanian statute]. Moscow, Universitetskaya tipografiya, 1892. 994 p. (In Russian)

25. Mayorov A.A. «Verkhovskaya istoriko-geograficheskaya provintsiya»: territorial'naya lokalizatsiya i pravomernost' ispol'zovaniya ponyatiya [“Verkhovskaya historical-geographical province”: territorial localization and legitimacy of the concept's use]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Ser. Gumanitarnye nauki* [Bulletin of Tambov University. Series “Humanities”]. Tambov, 2016, Vol. 21, no. 2 (154), pp. 67–75. (In Russian)

26. Nasonov A.N. *Mongoly i Rus' (istoriya tatarskoy politiki na Rusi)* [The Mongols and Rus' (the history of Tatar policy in Rus')]. Moscow–Leningrad, Akademii nauk SSSR publ., 1940. 178 p. (In Russian)

27. *Novgorodskaya pervaya letopis' starshego i mladshogo izvodov* [Novgorod first chronicle according to the older and younger recensions]. Moscow–Leningrad, Akademiya nauk SSSR Publ., 1950. 642 p. (In Russian)

28. *Plano Karpini, Ioann de. Istoriya Mongalov. Rubruk, Vil'gel'm de. Puteshestvie v vostochnye strany* [John of Plano Carpini. History of the Mongals. William of Rubruck. Travel to the eastern countries]. St. Petersburg, A.S. Suvorina Publ., 1911. 232 p. (In Russian)

29. *Polnoe sobranie russkikh letopisey. Vol. 1. Lavrent'evskaya letopis'* [Complete collection of Russian chronicles. The Laurentian Chronicle]. 2nd ed. Leningrad, Akademiya nauk SSSR Publ., 1927. 540 p. (In Old Russian)

30. *Polnoe sobranie russkikh letopisey. Vol. 2. Ipat'evskaya letopis'* [Complete collection of Russian chronicles. Ipat'evskaja Chronicle]. 2-nd ed. St. Petersburg, Tip. M.A. Aleksandrova, 1908. 574 p. (In Old Russian)

31. *Polnoe sobranie russkikh letopisey. Vol. 10. Letopisnyy sbornik, imenuemyy Patriarshey ili Nikonovskoy letopis'yu* [Complete collection of Russian chronicles. Nikon's Chronicle]. St. Petersburg, Tip. MVD, 1885. 248 p. (In Old Russian)

32. *Polnoe sobranie russkikh letopisey. Vol. 11. Letopisnyy sbornik, imenuemyy Patriarshey ili Nikonovskoy letopis'yu* [Complete collection of Russian chronicles. Chronicle collection, called the Patriarch's or Nikon's Chronicle]. St. Petersburg, Tip. I.N. Skorokhodova, 1897. 258 p. (In Old Russian)

33. *Polnoe sobranie russkikh letopisey. Vol. 18. Simeonovskaya letopis'* [Complete collection of Russian chronicles. Simeonovskaya Chronicle]. St. Petersburg, Tip. M.A. Aleksandrova, 1913. 320 p. (In Old Russian)

34. *Polnoe sobranie russkikh letopisey. Ermolinskaya letopis'* [Complete collection of Russian chronicles. Vol. 23. Ermolinskaya chronicle]. St. Petersburg, Tip. M.A. Aleksandrova, 1910. 240 p. (In Old Russian)

35. *Polnoe sobranie russkikh letopisey. Vol. 28. Letopisnyy svod 1497 g. Letopisnyy svod 1518 g. (Uvarovskaya letopis')* [Complete collection of Russian chronicles. Chronicle of the year 1497. Chronicle of the year 1518 (Uvarovskaya chronicle)]. Moscow–Leningrad, Akademiya nauk SSSR, 1963. 411 p. (In Old Russian)

36. Pochekaev R.Yu. *Pravo Zolotoy Ordy* [The legal system of the Golden Horde]. Kazan, Fen Publ., 2009. 260 p. (In Russian)

37. Pochekaev R.Yu. *Tsari ordynskie. Biografii khanov i praviteley Zolotoy Ordy* [Tsars of the Horde. Biographies of the khans and rulers of the Golden Horde]. St. Petersburg, Evraziya Publ., 2012. 464 p. (In Russian)

38. Rudakov V.N. O znachenii termina «besermene» v russkikh istochnikakh vtoroy poloviny XIII–XVI vv. [On the meaning of the term “besermen” in Russian sources of the second half of the 13th – 16th centuries]. *Vestnik slavyanskikh kul'tur* [Bulletin of Slavic Cultures]. No 3 (XXIX), 2013, pp. 19–24. (In Russian)

39. Safargaliev M.G. *Raspad Zolotoy Ordy* [Disintegration of the Golden Horde]. *Uchenye zapiski Mordovskogo gosudarstvennogo universiteta. Vyp. XI* [Scientific notes of the Mordovian State University. Vol. XI]. Saransk, Mordovskoe kn. Publ., 1960. 276 p. (In Russian)

40. Seleznev Yu.V. *Kartiny ordynskogo iga* [Pictures of the Horde's yoke]. Voronezh, Voronezh State University Publ., 2017. 437 p. (In Russian)

41. Seleznev Yu.V. K voprosu o khronologii prebyvaniya v Orde Fedora Yaroslavskogo [To the question of the chronology of the stay in the Horde of Fedor Yaroslavsky]. *Vostochnaya Evropa v drevnosti i srednevekov'e. Migratsii, rasselenie, vojna kak faktory politogeneza. XXIV Chteniya pamyati chlena-korrespondenta AN SSSR V.T. Pashuto (Moskva, 18–20 aprelya 2012 g.). Materialy konferentsii* [Eastern Europe in antiquity and the Middle Ages. Migration, resettlement, war as factors of political genesis. The XXIV Reading of the memory of Corresponding Member of the USSR Academy of

Sciences V.T. Pashuto (Moscow, April 18–20, 2012). Conference proceedings]. Moscow, Institut vseobshchey istorii RAN, 2012, pp. 225–230. (In Russian)

42. Seleznev Yu.V. *Russkie knyaz'ya v sostave pravyyashchey elity Dzhuchieva ulusa v XIII–XV vekakh* [Russian princes among the ruling elite of the Jochid ulus in the 13th–15th centuries]. Voronezh, Tsentral'no-Chernozemnoe knizhnoe publ., 2013. 474 p. (In Russian)

43. Seleznev Yu.V. *Russkie knyaz'ya v politicheskoy sisteme Dzhuchieva ulusa (Ordy). Dis. d.i.n.* [Russian princes in the political system of the Jochid ulus (Horde). Ph.D. Thesis]. Voronezh, 2014. 595 p. (In Russian)

44. Seleznev Yu.V. *Russko-ordynskie voennye konflikty XIII–XV vekov. Spravochnik* [The Russian-Horde military conflicts of the 13th–15th centuries. Catalog]. Moscow, Kvadriga, 2010. 224 p. (In Russian)

45. Seleznev Yu.V. *Elita Zolotoy Ordy* [The Elite of the Golden Horde]. Kazan, Fen Publ., 2009. 232 p. (In Russian)

46. *Sovetskaya istoricheskaya entsiklopediya* [Soviet Historical Encyclopedia]. Vol. 16. Moscow, “Sov. Entsiklopediya”, 1975. (In Russian)

47. Solov'ev S.M. *Istoriya Rossii s drevneyshikh vremen. Kniga pervaya* [History of Russia since ancient time. The First Book]. Vol. I–IV. 2nd ed. St. Petersburg, Tip-ya Tov-va “Obshchestvennaya pol'za”, 1851. (In Russian)

48. Tizengauzen V.G. *Sbornik materialov, otnosyashchikhsya k istorii Zolotoy Ordy. Vol. I. Izvlecheniya iz sochineniy arabskikh.* [Collection of materials relating to the history of the Golden Horde. Extracts from the Arabic writings]. St. Petersburg, Tip-ya Imperatorskoy Akademii nauk, 1884. 564 p. (In Russian)

49. Trepavlov V.V. *Gosudarstvennyy stroy Mongol'skoy imperii XIII v.: problema istoricheskoy preemstvennosti* [The state structure of the Mongol Empire of the 13th century: the problem of historical continuity]. Moscow, Nauka Publ., 1993. 168 p. (In Russian)

50. Trepavlov V.V. *Zolotaya Orda v XIV stoletii* [The Golden Horde in the 14th century]. Moscow, Kvadriga, 2010. 72 p. (In Russian)

51. Ustryalov N.G. *O Litovskom knyazhestve* [About the Lithuanian principality]. St. Petersburg: Ekspeditsiya zagotovleniya gosudarstvennykh bumag, 1839. 42 p. (In Russian)

52. Ustryalov N. *Russkaya istoriya. Part 1. Drevnyaya istoriya* [Russian history. Part 1: The Ancient history]. 2nd ed. St. Petersburg, Tip-ya ekspeditsii zagotovleniya gos. Bumag, 1839. 360 p. (In Russian)

53. Fedorov-Davydov G.A. *Obshchestvennyy stroy Zolotoy Ordy* [The social system of the Golden Horde]. Moscow, Moscow State University Publ., 1973. 181 p. (In Russian)

54. Cherepnin L.V. *Obrazovanie Russkogo tsentralizovannogo gosudarstva v XIV–XV vekakh. Ocherki sotsial'no-ekonomicheskoy i politicheskoy istorii Rusi* [Formation of the Russian centralized state in the 14th–15th centuries. Essays on the socio-economic and political history of Rus']. Moscow, Sotsekgiz, 1960. 901 p. (In Russian)

55. Shekov A.V. *Verkhovskie knyazhestva. Seredina XIII – seredina XVI v.* [The Verkhovskye princedoms. The middle of the 13th – the middle of the 14th century]. Moscow, Kvadriga, Russkaya panorama, 2012. 364 p. (In Russian)

56. Vojtovych L. *Knjazha doba na Rusi: portrety elity* [The Princely era on Rus': portraits of the elite]. Bila Cerkva, Vydavec' Oleksandr Pshonkiv'skyj, 2006. 782 p. (In Ukrainian)

About the author: Anatoliy A. Mayorov – Cand. Sci. (History), Orel State Institute of Culture (15, Leskov Str., Orel 302020, Russian Federation). E-mail: aamayorov@rambler.ru

*Received December 15, 2018 Accepted for publication March 4, 2019
Published March 29, 2019*